

Научная статья

УДК 821.161.1(470.5)“1920/1930” + 821.161.1-4(470.5) + 82.091

DOI 10.15826/izv1.2024.30.1.004

«ЛИЦО СТАРОГО УРАЛА ИЗМЕНЯЕТСЯ НА ГЛАЗАХ»: РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОЧЕРКА В ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА 1920–1930-х гг.

Юлия Сергеевна Подлубнова

*Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия,
tristia@yandex.ru*

<https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена уральскому производственному очерку 1920–1930-х гг., родившемуся из путевых записок и травелогов, но практически сразу получившему советскую политическую рамку (очеркистика Л. М. Рейснер, публикации в журнале «Товарищ Терентий»). Определяется ведущее значение производственного очерка в литературе Урала эпохи первой пятилетки, особо выделяется жанр очерка-портрета, героями которого становятся ударники, передовики производства. Подчеркивается совмещение документальной оптики и соцреалистического канона в уральских очерках начала 1930-х гг. Прослеживается дальнейшая судьба жанра, уступившего свое место во второй половине 1930-х гг. геологоразведочной документалистике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: 1920–1930-е гг.; литература Урала; производственный очерк; ударники, передовики производства; очерк-портрет; изображение труда; соцреализм

**“THE FACE OF THE OLD URALS IS CHANGING BEFORE OUR EYES”:
AN EVOLUTION OF INDUSTRIAL ESSAYS
IN THE LITERATURE OF THE URALS OF THE 1920–1930s**

Yulia S. Podlubnova

*Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia,
tristia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>*

Abstract. The article examines Ural industrial essays of the 1920–1930s which appeared as a genre from travel notes and travel essays but almost immediately received a soviet political frame (essays by L. M. Reisner, some publications in the magazine “The Comrade Terenty”). We reveal the leading importance of the industrial essay in the Ural literature of the First Five-Year Plan era. We especially highlight the genre of the essay-portrait the heroes of which are shock workers, leaders of production. We emphasize the combination of documentary optics and the socialist realist canon in the Ural essays of the early 1930s. And we trace the further fate of the genre which gave way to the second half of the 1930s the documentary of geological exploration.

Key words: 1920–1930s; literature of the Urals; industrial essays; udarniki, soviet workers; essay-portrait; images of labor; socialist realism

Развитие производственного очерка в литературе Урала второй половины 1920-х гг. во многом обусловлено внутрисполитическими процессами, оказывающими влияние на советскую культуру, и не в последнюю очередь курсом государства на восстановление народного хозяйства, пострадавшего за годы Гражданской войны. Как пишут исследователи, «в 1921–1927 гг. в производственно-экономическом развитии Уральского региона стала активно осуществляться восстановительно-реконструктивная модель промышленной политики» [Анимица, Дворядкина, с. 300]. «Лицо старого Урала изменяется на глазах», — образно выразился писатель А. В. Баранов об очерках про Урал, написанных в 1920-е гг. [Баранов, с. 130].

От писателей, тесно сотрудничающих с советской прессой, требовались теперь мастерство документалистов и глубокое понимание производственных процессов. Как вспоминала М. С. Шагинян, «писатели увлеклись в ту пору вещами и техникой, машиной, проектами, даже названиями инструментов» [Шагинян, с. 208], и многие действительно предпочитали работать по заказу советских газет в ущерб какому-либо иному творчеству.

Необходимость восстановления различного рода предприятий в стране предполагала капитальную хозяйственную ревизию на местах, которая осуществлялась специалистами различного профиля. Однако к ревизии широко подключался и журналистский ресурс с его привычкой к командировкам и редакционным

заданиям. Писатели, подвизавшиеся на ниве журналистики, ездили на предприятия и описывали увиденное. Нет никаких сомнений, что производственный очерк 1920-х гг. вырос из уже привычных для русской литературы путевых (этнографических) очерков/записок [Абдурзакова, с. 6], чей фокус по воле времени оказался смещен с дорожных зарисовок, исследования быта и нравов на производственную деятельность и хозяйственный потенциал регионов.

В частности, одним из пионеров советского производственного очерка называют Л. М. Рейснер [Соколова, с. 119], которая сотрудничала с центральными газетами «Правда» и «Известия» и довольно активно совершала поездки по стране и за рубеж, о чем свидетельствуют ее книги «Гамбург на баррикадах» (1924), «Афганистан» (1925), «Уголь, железо и живые люди» (1925). Судя по уральским очеркам, вошедшим в книгу «Уголь, железо и живые люди», Л. М. Рейснер заострила то, что уже было в литературе путешествий по региону: в очерках Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. И. Немировича-Данченко и др., не обходивших стороной устройство хозяйственной деятельности на Урале и уделивших немало внимания различным типам горнозаводского населения. Однако именно Л. М. Рейснер удалось поставить путевой очерк на службу государству, вымыв из него все, что не касалось непосредственно производства. После очерков Л. М. Рейснер невозможно было писать об Урале, игнорируя его индустриальный облик. Так, показательно, что приезжавший в 1922 г. в Екатеринбург и запечатлевший его в очерке «Столица Урала» «серапионов брат» Н. Н. Никитин вовсе не интересовался работой промышленных предприятий, а прибывшая на Урал осенью 1926 г. (т. е. после Л. М. Рейснер) Е. Г. Полонская уже никак не могла обойтись без поездок по заводам (см. книгу «Поездка на Урал», 1927). Что же говорить про приехавшего уже после Е. Г. Полонской на Урал М. Е. Зуева-Ордынца, включившего в свой обширный маршрут непременно посещения заводов, фабрик и рудников (книга очерков «Каменный пояс», 1928).

В уральской прессе очерки, приближенные к производственным, появились в 1925 г. (т. е. не после рейснеровских, но параллельно с ними). Назовем «Из поездки в Каслинский завод», «У мраморских кустарей» П. П. Бажова, «Свердловская гранильная фабрика» В. А. Гензеля, «На платине» А. Кожевникова, «Там, где добывают медь» Г. Спизарского и др. В этих очерках сильны элементы травелогов, но очевидно, что только травелогами они не ограничиваются. Даже Л. М. Рейснер с ее упорным нежеланием замечать что-либо кроме производственных процессов и людей, с ними связанных, не избегала в текстах исторических справок и статистических данных [Подлубнова, 2021]. Уральские производственные очерки 1920-х гг. также состояли из тематически и стилистически разных блоков, уводя читателя то в литературу путешествий («Забывший рудник» Д. П. Бор-Раменского), то в историю («Гранильный промысел на Урале» В. А. Гензеля, «Златоуст» Н. Тарасова), то в дебри науки и статистики, то в физиологию труда и драматургию производственных отношений («На платине» А. Кожевникова), а иногда сводили все вместе, как В. Ветров в очерке «На златоустовских заводах»:

Сначала завод делал железо и плавил медь и назывался Косотуром. Потом с 1776 г. стал железоделательным и чугунно-литейным... [Ветров, с. 18];

Доменный мастер, пожилой, седеющий, Тропынин Александр Петрович:

— Работаем. <...> прежде средне давали, частично, конечно, — 7000 пудов в сутки, — сейчас до 6 ½ тысяч пудов [Там же, с. 19];

Цех начал работать вовсе недавно и по возможности механизирован. 3 газогенератора Hiplez'a, высасывающие из челябинского с небольшой добавкой лучшего, кольчугинского, угля силовой газ [Там же].

Другой особенностью уральского производственного очерка стала привязанность скорее к журнальным форматам, чем к газетным. Очерки в газетах довольно заметно граничили с репортажами и статьями (см. очерк А. П. Гайдара «3000 вольт», посвященный открытию новой электростанции в Свердловске [Кубасов]). В конце 1920-х гг. Урал остался без литературных журналов и часть их функций взяли на себя газеты «Уральский рабочий», «На смену!», «Звезда», что неизменно влияло на объем, содержание и жанровые особенности очерков и одновременно снижало их видимость в газете — они сливались с прочими материалами (газета «На смену!» в 1928 г. даже завела специальную рубрику «Уральские очерки»). Потому разговор о региональных производственных очерках 1920–1930-х гг. главным образом сводится к текстам, которые публиковались в журналах или выходили в виде книг.

Кроме того, несмотря на то, что в случае столичных авторов производственные очерки писались по заданию центральных газет, они отнюдь не отличались лаконизмом и требовали не столько журналистского, сколько писательского мастерства. Те же Л. М. Рейснер и Е. Г. Полонская, а затем и К. Г. Паустовский, побывавший в качестве корреспондента «Рабочей газеты» в 1931–1932 гг. в Прикамье, мыслили не только как журналисты — отдельными публикациями в прессе, но и как писатели — целыми книгами (в случае К. Г. Паустовского — «Великан на Каме. На стройке Березниковского комбината», 1934).

Привязанность к журналам влияла и на тематику региональной очеркистики. К примеру, как только в Свердловске начал работу журнал «Колос» (созданный в 1925 г. на базе местной редакции «Крестьянской газеты»), производственный очерк без труда трансформировался в деревенский/колхозный (например, «Передовая деревня» П. П. Бажова). А с формированием писательской группы Магнитостроя и выходом в 1931 г. журнала «Буксир» увидело свет большое количество материалов о предприятиях Южного Урала (портреты их авторов в пролетарских кепках и ушанках публиковались здесь же, на страницах журнала).

Эпоха первой пятилетки упрочила положение производственного очерка в советской литературе. «Индустриализация страны и переустройство сельского хозяйства — две главные задачи, которые на длительное время будут определять путь развития и работу Советского Союза...», — объявлялось в «Уральском рабочем» в статье, посвященной современной литературе [Кожевников]. Уральские стройки заводов-гигантов, масштабные реконструкции предприятий, огромный

проект Урало-Кузбасса, запланированный к воплощению на вторую пятилетку, неизменно притягивали к себе внимание писателей, включенных в процессы конструирования новой социальной действительности. Писателей захватывали общие темпы индустриализации. «Ждать некогда. Нельзя тратить дорогое время на отшлифовку, когда нужно создавать многое», — заявлял П. Н. Стрижков, командированный в Свердловск из Сибири и написавший книгу очерков всего за 25 дней [Стрижков, с. 2].

Очерк давал возможность быстрого документирования происходящего и реагирования на него. «Очерк будто создан для концентрации настоящего, во всех его смыслах», — замечает Н. В. Веселкова, исследуя уральскую очеркистику 1920-х гг. [Веселкова, с. 308]. Это утверждение совпадает с советским пониманием функций документальной литературы. Так, критик и писатель К. В. Боголюбов в 1930 г. опубликовал в свердловском журнале «Рост» большую статью о советском очерке, в которой утверждал: «Мы хотим, чтобы писатель познакомился сам и познакомил других с тем, как живет, работает и борется рабочий класс, как рождается новая социалистическая деревня» [Боголюбов, с. 67]. К. В. Боголюбову вторил М. Лузгин, год спустя со страниц того же «Роста» призвавший пролетарских писателей писать «боевые очерки» [Лузгин]. Оба автора вступали в ожесточенный спор с левовским пониманием «литературы факта» и настаивали на условной «большевистской фактографии» в советской очеркистике, фактически артикулируя в духе РАППа приоритет идеологии над фактом. В качестве примера для подражания К. В. Боголюбов приводил политически выверенные тексты Л. М. Рейснер.

Очерки, публиковавшиеся в конце 1920-х — начале 1930-х гг., — например, «Стиль героев» А. О. Авдеенко, «Паровоз Су-201-83» И. Бахтамова, П. Ф. Хорунжего, С. Ф. Королькова, «Цемент революции» А. И. Исетского, «Записки строителя» С. Каркаса, «Страницы героики» А. Кузмичевой, «Челябстрой» Б. Скифа, «Записки шахтера» А. Строкина, «Новая Калата» В. Тюменева, «Михайловск» Е. Фуфаева, «Углеподача» Н. И. Харитонова, «Борьба за хлеб» С. И. Шмакова и др., а также книги очерков «Пять ступеней коллективизации» (1930) П. П. Бажова, «Завод-знаменосец» (1930) Н. И. Харитонова, «Магнитогорская плотина» (1931) А. И. Баранова, «Гигант пятилетки» (1931) Н. В. Богданова, «Магнитострой» (1931) А. Панфилова и А. Прохорова, «Тридцатая лава» (1932) М. Ашихмина, «Медь. Очерк из истории борьбы за Красноуральский завод» (1932) П. М. Замятина, «Орденосцы Магнитного» (1932) С. А. Морозова-Уральского, «Новый материк. Письма с Вишеры» (1933) А. Г. Маленького и др. — по-прежнему не были единообразны ни по своему жанровому составу, ни по тематической направленности. Речь в очерках могла идти о промышленном потенциале целого региона или его части («Урал рудоносный» В. Майкова, «Фабрика металлургических заводов» М. Смоленского, «Округ контрастов» И. Бахтамова, П. Ф. Хорунжего, «Район союзного значения. Очерк о Халилово» В. Булаха), строительстве, реконструкции и функционировании предприятий (тексты о Магнитострое, Уралмаше, Березниковском химкомбинате, ВИЗе, Чусовском, Надеждинском заводах и т. д.), отдельных производственных проблемах и процессах («Очерк

об электропечи» С. Колосницына, «Канава» Л. Носова и пр.), физиологии производства и производственных отношениях. Они нередко граничили с репортажем, записками, психологической прозой и т. д. — вплоть до лирики:

Я люблю вечером ходить по заводу. Я ныряю в сталелитейный. Я иду мимо мартенов, и Смыков кричит что-то с капитанского мостика. Мартены Демага кланяются мне и сливают металл. Ковши рассыпают звезды. Я иду по огромной кузнице мимо прессов и молотов. Молот Беше нетерпеливо, как слон, топает тяжелой железной ногой, так его... так его... так. Прессы нежно обнимают болванки, и сок течет из них на шоботы [Федосеев, с. 69].

Но что не отнять у очерков конца 1920-х — начала 1930-х гг. — это убежденности в героизме производственных будней и эпохи великих строек. Пятилетка не только укрепляла индустриальный потенциал страны, но и производила в промышленных масштабах героев эпохи: строителей заводов-гигантов, передовиков-ударников, рекордсменов труда.

Магнитострой — это колосс по сравнению с заводами нашего Юга, по сравнению с заводами Урала. Наша страна еще не видала такого завода [Рудин, с. 3];

Комсомольские бригады геройски боролись за темпы, за выполнение и перевыполнение промфинплана [Там же, с. 14];

Владыкой шахты стал шахтер. <...> В горе сейчас идет героическая борьба за уголь [Ашихмин, с. 29].

Уже с первого номера журнал «Штурм» призывал писателей «...взять на себя конкретную задачу показа героев пятилетки, начиная от отдельных лиц, до показа героических бригад, цехов, заводов, фабрик, новостроек, совхозов, колхозов и научных учреждений. <...> Страна должна знать своих героев...» [Страна должна знать своих героев, с. 4]¹.

В связи с этим в производственной очеркистике прочно закрепился жанр очерка-портрета, выводящего на первый план фигуру героя-передовика, изобретателя и рационализатора («Котельщик Ермоленко» П. Алексеева, «Субботин» Б. Иосилевича, «Рассказ о бригадире» М. М. Люгарина, «Петр Тепляков» А. Г. Маленького, «Наташа Зубкова» А. Сенюшкиной, «Путь изобретателя» А. Строкина, «Изобретатель Сарапулкин», под другим названием — «История начинается...» И. С. Панова и т. д.). Ударниками могла быть молодежь, совмещающая самоотверженный труд, учебу и общественную деятельность. «Комсомол дал ему большевистскую душу, выдал путевку в жизнь. Путевка находится в верных руках», — такими словами М. Лапин сопровождал историю беспризорника из Армении, который стал харьковским рабочим, а затем приехал строить Магнитогорск [Лапин, с. 21]. Показательна история Наташи Зубковой из одноименного очерка, которая «вместе с другими ребятами приехала на стройку на лето»

¹ «Страна должна знать своих героев» — лозунг газеты «Правда», начавшей в 1931 г. публикацию материалов о передовиках производства.

[Сенюшкина, с. 99], работала каменщиком, землекопом, бетонщицей, стала бригадиром, помощницей инженера, поступила в строительный техникум, чтобы самой выучиться на инженера. Героями очерков могли быть и старики, передающие молодым секреты мастерства («Тридцатая лава» М. Ашихмина, «Старик» Ф. Волгина, «Мастер Мурашев» П. Кучеренко, «Героические дни Магнитогорска» М. Рудина и др.), однако они реже становились субъектами для полноценных портретов.

Чаще всего производственные очерки изображали труд коллектива (вполне реального, наблюдаемого снаружи или изнутри). Героями становились целые бригады, цеха и предприятия. Именно они занимались рационализаторством, ставили мировые рекорды, помогали изобретателям воплотить в жизнь идеи, полезные для всего производства, преодолевали трудности борьбы с природой. «Тысячи, десятки тысяч строителей социализма пришли на стройку в эти героические дни. Они самоотверженно делают свое дело и в лютую стужу, и в нестерпимую жару, на лесах, в тоннелях, на высоте, в паутине железных переплетов, создавая завод-гигант, равного которому нет в мире», — говорилось в статье, открывающей сборник «Северный ветер» (1933) литературного кружка Челябинского тракторного завода [Мажаров, с. 4]².

Одним из расхожих сюжетов эпохи становилось соревнование: бригад, смен, целых заводов, — и неременная победа как кульминация трудовых подвигов.

... бригада Земляченко бросила вызов остальным <...> Здесь под немолчные гуды «Интеров» и «Ойль-пулей» активисты первой бригады овладели механикой сдельного труда и установили мировой рекорд суточной выработки на трактор» [Морозов-Уральский, с. 18–19];

Целый день без остановки работал подъемник, таская на третий этаж кирпичи и раствор. 273 человека выполнили свое дневное задание на 117 процентов... [Иванисов, с. 76];

В результате соревнования <...> отдельные смены вместо 75 вагонов нормы <...> давали по 110 и больше [Ашихмин, с. 17–18].

Героический коллективный труд в производственных очерках 1920–1930-х гг. нередко описывался с привлечением милитантной образности, в целом свойственной эпохе. «Фронт работ», «бои за производство», «битва за время», «трудовая победа» стали расхожими образами эпохи индустриализации.

В Октябрьские дни Субботин в рядах Красной гвардии крепко держал пост солдата Октября. Ему выпала великая честь быть чекистом <...> Теперь уж второй год как Субботин на Магнитке [Иосилевич, с. 24];

Первое заседание штаба длилось около шести часов. Шесть часов решали зимогоры головоломнейшие тактические вопросы развернутого наступления. Они ощупывали путь, ведущий к высотам победы <...>

— Главное, чтоб спору простор был, да чтоб каждый свою работу наглядно видел... По-моему, бригады на звенья разбить надо [Затонский, с. 65].

² Вероятно, в фамилии автора предисловия опечатка, его написал В. А. Макаров.

Не случайно главный литературный журнал на Урале на исходе первой пятилетки был переименован в «Штурм». И не случайно С. А. Морозов-Уральский закончил книгу очерков «Орденосцы Магнитного» сценой, в которой ударники получают ордена.

Милитантная картина мира неизбежно делила всех, попадавших в поле зрения, на своих и чужих, героев и врагов. Коллизии борьбы с врагами и «модели поляризации» [Пюнтер, с. 284] социального пространства наполнили советскую литературу и стали частью соцреалистического канона. «Образцы героизма окружают нас со всех сторон в нашей реальной действительности. Нужно только понять особый характер нашего героизма...», — провозглашал в своей программной статье о соцреализме уральский критик И. Астахов, не преминув попутно объявить И. А. Бунина врагом советской литературы [Астахов, с. 93].

Враги на производстве находились повсюду, об этом не только объявляли советские газеты — борьба с врагами определяла литературные сюжеты. Бывшие белогвардейцы; раскулаченные и обиженные властью; лентяи и прогульщики, не поддающиеся перевоспитанию; рвачи и воры; иногда и иностранные спецы саботировали работу, устраивали аварии, занижали темпы строительства, срывали сроки пусков и проваливали государственные задания. Это они устроили пожар в спальне трактористов в самый разгар страды («Орденосцы Магнитного» С. А. Морозова-Уральского), выдавали всего лишь 40 вагонов лавы против 250 ударнических («Тридцатая лава» М. Ашихмина), сделали ставку на старую технику («Медь» П. М. Замятина), занимались лжеударничеством («Очерк об электропечи» С. Колосницына). Даже в тех очерках, что были нацелены на отражение реального положения дел на производстве, борьба с врагами неизбежно заканчивалась победой энтузиастов труда. Они доводили стройки до завершения, ставили рекорды и подчас оказывались изобретательнее даже иностранных специалистов:

К северу от Уралмашстроя, на небольшой вершине, освобожденной от леса, стоит водонапорная башня. Бак на этой башне — большая победа советской техники. Он самый объемистый сварный бак в Европе. <...> Немецкий конструктор Инце придал ему красивую форму. <...> Тогда советский конструктор Коротков, взяв в основу идею Инце, спроектировал бак, удовлетворяющий потребности большого завода... [Кучеренко, с. 20].

Авторы, особо восприимчивые к соцреалистической эстетике, заканчивали очерки апофеозом производственных побед. Таков, например, финал очерка Н. И. Харитонova «Углеподача», повествующего о строительстве химкомбината в Березниках:

Стройка живет бурно и громко.

Снизу кто-то, радостно приседая, машет фуражкой.

А кругом необъятная ширь и светлая могучая река сверкает, как стальная дорога в будущее. И много еще простора для роста, и много еще можно установить

кабель-кранов на этом раздолье, и много труб можно вонзить в это серое северное небо [Харитонов, с. 41].

Вторая половина 1930-х гг. не внесла ничего принципиально нового в уральский производственный очерк. Однако можно констатировать некоторое снижение интереса к жанру [Веселкова], отчасти связанное с тем, что к 1936 г. Урал остался без толстого литературного журнала и, соответственно, пролонгированного запроса на документалистику, отчасти — с катком репрессий, довольно безжалостно прошедшим по литературному сообществу и практически остановившем мобилизацию ударников в литературу, а отчасти и с тем, что уже вторая пятилетка обозначила ставку государства не на строительство новых предприятий (заводы-гиганты к 1935–1936 гг. были в основной массе построены и пущены), но на поиск ресурсов, необходимых для функционирования промышленности. Во второй половине 1930-х гг., наряду с ударниками, стахановцами, героями эпохи становятся геологи, отправляющиеся на дальние рубежи страны в поисках руд, минералов, нефти, драгоценных металлов и всего того, что составляет ее природное богатство.

В Свердловске эта политика была обозначена приехавшим из Москвы В. А. Поповым, организовавшим в 1935 г. журнал «Уральский следопыт». Журнал заявлял: «На огромной территории Урала от Обдорска — Вишеры до Магнитогорска — повсюду могуче расцветают все производительные силы края. Огромные природные богатства края взяты на службу социализму. В условиях социалистической стройки приобретает необычайно важное значение познание своего края» [К читателям нашего журнала, с. 1]³, и в целом возвращался к путевому очерку, оснащенному производственной проблематикой (что не было новаторством журнала, вспомним книги очерков «В стране Ман-си» С. А. Морозова-Уральского, «Новый материк. Письма с Вишеры» А. Г. Маленького, «Сквозь тайгу» Н. И. Харитонova). Таковы опубликованные в нем «Говорящий чугу́н» М. Е. Зуева-Ордынца, «Теремок под снегом» А. М. Климова, «Подставка луны. Путешествие на Таганай» Н. А. Куштума, «Универсальный экипаж тундры» И. С. Панова и т. д.

После краха журнала В. А. Попов не оставил затею развивать «следопытство» в регионе и при поддержке СвердлОГИЗа запустил серию «Уральская библиотека занимательного краеведения». «Весь трудовой народ нашей родины кровно заинтересован в том, чтобы отвоевать у природы великие богатства», — говорилось в проспекте серии [Уральская библиотека..., с. 4] и давалось обещание, что «инженеры и писатели, ученые и краеведы, следопыты и охотники расскажут о крае великой социалистической индустрии и неисследованных таежных углах, могучих реках и колоссальных электростанциях...» [Там же, с. 5]. В сборниках серии, тематически связанных с поисками и освоением природных ресурсов, необходимых для промышленности, — «Урал медный» (1936), «Горючий камень» (1936), «Рассказы о золоте» (1936), «Урал железный» (1937), «Огненная цепь» (1937), «Горы и люди» (1939), — публиковались и производственные очерки.

³ См. также: [Подлубнова, 2016].

Как, например, «По трассе Трансурала» В. Виталина, «Калата-Кировград» С. Дмитриева, «В поселке Арамилъ» С. Д. Лялицкой, «Там, где рождается сталь» Б. С. Рябинина, «Пять пальцев Карабаша» В. А. Старикова, «Прикамская нефть» Ф. К. Тарханеева, «Гора Высокая», «Первая врубовая», «По стопам Стаханова» Г. Юза и др. Однако они встраивались в общий геологоразведочный нарратив серии. «Шоссе оживлено. <...> Через пятнадцать минут я в социалистическом городе Магнитогорске», — сообщал читателям сборника «Урал железный» Б. С. Рябинин, прежде чем давать характеристики производственным мощностям металлургического комбината [Рябинин, с. 110]. «Впервые я познакомился с уральской нефтью и строительством новой нефтяной базы в 1939 г., путешествуя по нефтеносным районам Урала...» (из очерка «Второе Баку» Г. Юза) [Юз, с. 61].

Такого же рода путевые и одновременно производственные очерки появлялись и в других уральских изданиях, например, очерк Б. С. Рябинина «По колхозным дорогам», опубликованный в третьем выпуске альманаха «Уральский современник» (1940).

Таким образом, производственный очерк к началу 1940-х гг. почти сместился на периферию литературы Урала. Однако очерки-портреты продолжали появляться и во второй половине 1930-х гг.: «Терентий Мальцев» Я. Власова (очерк об агрономе-самоучке) в челябинском альманахе «Стихи и проза» (1940), «Народный учитель» Н. Секрежа в оренбургском альманахе «Степные огни» (1938), книга С. Сединкина и С. Шущунова «На Южно-Уральской магистрали. Очерки о знатных железнодорожниках» (ЧелябГИЗ, 1938), сборник «Стахановцы Урал-маша» (1936), но чем ближе к концу десятилетия, тем их становилось меньше.

Кроме того, тщательно развиваемый в 1930-х гг. интерес к истории, поддерживаемый проектом «История фабрик и заводов», все больше перемещал производственную проблематику в исторические и автобиографические контексты [Енина, Граматчикова]. Уральские издания второй половины 1930-х гг. — журнал «Уральский следопыт», альманахах «Стихи и проза», «Уральский современник» и др. — были полны историческими очерками, мемуарами, экскурсами в историю, но отнюдь не производственной документалистикой.

Впрочем, в следующем десятилетии на волне эвакуации заводов в тыл и перезапуска производства производственные очерки оказались вновь актуальными на Урале.

Абдуразакова Е. Р. Художественное своеобразие очерковой книги Бориса Пильняка «Таджикистан — седьмая советская» // Историческая поэтика жанра. 2006. № 1. С. 5–20.

Анимца Е. Г., Дворядкина Е. Б. Промышленная политика и модели регионального развития // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 299–303.

Астахов И. О социалистическом реализме и революционном романтизме // Штурм. 1932. № 12. С. 88–117.

- Ашихмин М. Тридцатая лава. Свердловск, 1932.
- Баранов А. Как не нужно писать об Урале // Рост. 1930. № 1–2. С. 130–133.
- Боголюбов К. В. Об очерке // Рост. 1930. № 5–6. С. 67–74.
- Веселкова Н. В. Невозможность настоящего: три жизни очерка 1920–1940-х гг. на Урале // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика. Екатеринбург, 2015. С. 303–322.
- Ветров В. На золотоустовских заводах // Товарищ Терентий. 1925. № 17–18. С. 18–20.
- Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 283–288.
- Енина Л. В., Граматчикова Н. Б. Первостроители Уралмаша как перформативный проект: конструирование заводской идентичности. Екатеринбург ; Москва, 2021.
- Затонский А. Зимогоры // Штурм. 1931. № 1. С. 63–70.
- Иванисов И. Гусиный командир // Штурм. 1932. № 10. С. 75–78.
- Иосилевич Б. Субботин // За Магнитострой литературы. 1931. № 7–8. С. 24–25.
- К читателям нашего журнала // Урал. следопыт. 1935. № 1. С. 1–2.
- Кожевников С. О современной литературе // Урал. рабочий. 1928. 14 апр.
- Кубасов А. В. Очерк А. П. Гайдара «3000 вольт» в смысловом пространстве газеты «Уральский рабочий» // Дергачевские чтения — 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : в 3 т. Екатеринбург, 2012. Т. 3. С. 99–106.
- Кучеренко М. Мастер Мурашев. Свердловск ; Москва, 1933.
- Лапин М. Загробнян // За Магнитострой литературы. 1931. № 7–8. С. 21–23.
- Лузгин М. За боевой очерк // Рост. 1931. № 5–6. С. 67–74.
- Мажаров В. Немного об авторах // Северный ветер. Свердловск, 1933. С. 4–6.
- Морозов-Уральский С. Орденоносцы Магнитного. Свердловск ; Москва, 1932.
- Подлубнова Ю. С. От «Уральского охотника» к «Уральскому следопыту»: природоведческие аспекты в журнальных изданиях 1920–1930-х гг. // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему». Екатеринбург, 2016. С. 279–299.
- Подлубнова Ю. С. Урал заводов и рудников в эго-текстах Ларисы Рейснер // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах. Москва ; Екатеринбург, 2021. С. 213–225.
- Рудин М. Героические дни Магнитогорска. Очерки о героях Магнитостроя. Свердловск ; Москва, 1931.
- Рябинин Б. Там, где рождается сталь // Урал железный. Свердловск, 1937. С. 110–117.
- Сенюшкина А. Наташа Зубкова // Штурм. 1932. № 5–6. С. 98–116.
- Соколова Г. В. Особенности формирования жанра очерка в литературе «периода революционного перелома» // Литература и формирование облика художественной культуры народов Российской Федерации. Майкоп, 2017. С. 117–121.
- Страна должна знать своих героев // Штурм. 1931. № 1. С. 3–4.
- Стрижков П. Угля, угля. Очерки об уральских заводах, потребляющих кузнечий уголь. Новосибирск, 1931.
- Уральская библиотека занимательного краеведения : проспект. Свердловск, 1936.
- Федосеев В. Бригадир // Штурм. 1934. № 1. С. 69–84.
- Харитонов Н. Углеподача // Штурм. 1932. № 1. С. 24–41.
- Шагинян М. Три поколения книг // Яков Ильин. 1905–1932: Воспоминания современников. М., 1967. С. 208–211.
- Юз Г. «Второе Баку» // Горы и люди. Свердловск, 1939. С. 58–66.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023 г.